

— Цельми днями Колька чинил что-нибудь, колотил... и не присядет за всё время. Работящий был...

Незаметно вытерев слёзы со щёк, бабушка вывела меня на порог и показала рукой вдаль:

— Вот, смотри, видишь, за дубом... дед твой насыпал песочек, а Лена с Мариной там игрались в теньке.

Она закрыла на замок дверь, и мы вернулись домой.

Бабушка стала готовить вареники с вишней — самое лучшее лакомство! Аромат наполнил всю хатку, такой же знакомый и родной, как аромат всякой разной сдобной выпечки: пирожков и коржиков моей мамы. Особенно приятный ранним утром, когда ещё сквозь сон чувствуешь этот запах и ждёшь, когда мама зайдёт в комнату, разбудит тёплой рукой и позовёт завтракать.

Бабушка отправилась в погреб и принесла оттуда виноградный сок.

— Вот. Это ещё с осени. Сама закрывала. Настоялся уж, — сказала она, поднося его к столу, а после обняв меня.

На следующий день утром мы с бабушкой сходили на земляничное поле, набрали земляники, чтобы сварить варенье. Потом я пошла гулять, нарвала полевых цветов. Знала, что бабушка очень любит их, ведь весь пол и подоконник веранды были заставлены декоративными цветами. У бабушки была целая оранжерея! От цветов в доме становилось как-то свежо и ярко. Набрав целый букет, я спешила обрадовать бабулю своей находкой новых, неизвестных мне цветов. Когда я подходила к дому, увидела, что бабушка сидит, как всегда, у окна и будто бы чего-то или кого-то ждёт...

— Кого ожидаете, Тамара Сергеевна? — шутливо спросила я, зайдя в дом.

Она всё так же сидела, отвернувшись в окно. Я взяла вазу, поставила в воду цветы и отнесла их на стол к бабушке. Потом пододвинула стул и села рядом с ней.

.....

1. Из лучших работ Международного детско-юношеского литературного конкурса «Лето Господне» имени Ивана Шмелёва.

Вся моя семья родом с курской земли. Мне всегда радостно возвращаться в бабушкин дом, манящий своей особенной красотой. Ещё с детства мне понравился небольшой домишко, построенный ещё в довоенные годы, с деревянными рамами окон, обмазанный белой извёсткой, которая кое-где потрескалась и обвалилась, а где-то почернела и покрылась от сырости зелёным мхом. К дому пристроена деревянная веранда, которую я каждую весну помогаю бабушке покрасить в синий цвет. «Эту веранду построил сам твой дедушка, когда был жив ещё и здоров... Сам! Своими руками!» — напоминала мне каждый раз бабушка.

Крышу веранды обвивал своими зелёными плетнями виноград. Наш дом на Бархатной, 5 в посёлке Коммунар Курской области видно издалека, а главное, не перепутаешь с другим, ведь над ним с каждым годом разрастаются тяжёлые пушистые ветви многовекового могущественного дуба. Во дворе растут оранжево-розовые лилии, а бабушка почему-то их называет «петушки». В мае расцветает бабушкин вишнёвый сад, за белыми цветочками которого дом почти не разглядеть. Бабушка любила мне устраивать небольшой обход по её владениям. Любила рассказывать истории из жизни, из детства, проведённого здесь вместе со своими родителями и братом.

Однажды она взяла большую связку старых ключей, половина из которых уже ни для чего не предназначалась, а далее мы пошли к какому-то невысокому цементному домику с маленькими окошками. Мы зашли внутрь. Здесь было мрачно. Полки были в пыли, по стенам плелась паутина. — Что здесь раньше было? — спросила я.

— Летняя кухня, — отвечала бабушка.

Опершись уже от усталости на старую тумбу, она продолжала свой рассказ:

— Старая летняя кухня. Здесь раньше печь стояла, и мы готовили еду, а в хорошую погоду собирались на улице всей семьёй за большой стол. Так хорошо было... весело. Только вот ушло оно всё куда-то, — хриловатым голосом сказала бабушка, — здесь ведь и доченьки мои выросли — Леночка, мама твоя, и Мариночка.

— Знаешь, — начала она свой рассказ, — раньше всё как-то было по-другому. В доме такая суета, столько людей здесь было. Я никогда не тосковала. Да и времени скучать не было... работа, хозяйство, дети. А теперь все разъехались, у всех свои семьи, свои заботы. Клаша (так бабушка называла свою маму) мне говорила, что в старости я одна останусь...

— Как это так — одна? — перебила я.

— Мне было лет семнадцать, как сейчас помню, — продолжала она. — Дело весной было. И не заметили мы, как за окном, под крышей, ласточки свили гнездо. Да вот испугалась я, что откроем мы окно, а они так и залетят к нам. Что с ними делать, как их потом выгонять?.. Пошла я на улицу, нашла длинную палку и разбила гнездо. Оно пустое было. Рассказала я матери, а она ответила: «Ой, не к хорошему это, Том. Наоборот, радоваться надо, когда птички выбирают для строительства гнёздышка человеческие дома. Ведь это символ счастья, семейного счастья, благополучия. Что же ты мне не сказала?..» Вот теперь одна я. Раньше, раньше-то как было?.. Я заведующей местной аптеки была. Весь народ сельский приходил ко мне за лекарствами; бывало, домой заходили, иногда и ночью даже. Чем могла, тем и помогала. Мать воспитательницей в детском саду была. У дома нашего постоянно ребятня крутилась. Отец — уважаемый человек! Наша гордость! Директор совхоза. В годы войны с матерью в тылу работали, много заслуг... только никогда о войне он и не рассказывал, у нас как-то не принято было о ней вспоминать. Лишь однажды мне Клаша кое-что рассказала...

— Что же? — торопилась узнать я.

— Спать пора, Ариш, поздно уже. Меньше знаешь — крепче спишь, как говорится, — посмеялась бабушка.

Она выключила в доме свет, и мы легли спать. Я долго не могла уснуть, недорассказанная бабушкина история мучила меня. В голове я пыталась всё осмыслить. Я крутилась с боку на бок. Бабушка тоже не спала; подсвечивая фонариком, она пыталась найти у себя возле кровати какое-то лекарство.

— Ариш, ты спишь? — тихонько спросила она.

— Не сплю, — ответила я.

— Может, по конфетке? — предложила бабушка.

Она любила перед сном поест чего-то сладкого. Бабушка говорила, что сладкое успокаивает, поэтому легче и крепче спится. Я пошла к буфету, где стояла целая ваза купленных бабушкой для меня конфет, среди которых моими любимыми, в красивой голубой обёртке, были под названием «Мишка косолапый». Я взяла нам с бабушкой по одной. Протянула ей.

— По одной давать нельзя, — строго сказала бабушка.

— Кто тебе такое сказал? Почему же? — спросила я.

— Не знаю. Мама так учила. Она говорила: «Всему должна быть пара. Всё, что одно, — это к одиночеству». А я это на всю жизнь запомнила. Клаша строгой была, властная. Я боялась её как огня, но любила её очень, да и меня она тоже любила. С ней у нас особенная связь была. Всё, что она говорила, всегда сбывалось. Сама не знаю, почему так. Незадолго до своей смерти она мне сказала: «Томуськ, ты одна останешься, одна сидеть возле этого окна будешь». Так и случилось. А тогда я ещё так про себя засмеялась. Даже никогда не задумывалась об одиночестве. Муж моей опорой был. Весь дом на нём держался. Да только заболел рано, потом парализовало, а ведь молодой такой был сильный... Побегала я, конечно, за ним. Немало хлопот в жизни моей случилось. А теперь и гвоздь забить некому, некому помочь. Да хоть бы просто в доме был кто-то, чтобы просто слышать чей-то голос.

Бабушка заплакала. Я вспомнила, что бабуля очень любит, когда я ей что-нибудь читаю. Она частенько просила меня почитать перед сном — так она быстрее засыпала. Чтобы её отвлечь и успокоить, я быстро пошла к шкафу, где стояли старые бабушкины книги. Села напротив неё, открыла случайно выбранную страницу, хотела начать читать, но увидела, что некоторые страницы оборваны, другие вовсе сожжены.

— Бабуль, а что с книгой? — сев рядом с ней, я показала её.

— Старая книга... очень старая, — чуть улыбнувшись, сказала она. — Наша память... Нас в семье ведь много было... четверо: трое братьев и я. Война была тогда. Жили очень бедно. Топить печь приходилось чем-то. Вот и топили тем, что под руку попадалось. При нас жгли, как сейчас помню. Жалко книги было... такая редкость в те времена. Вот некоторые остались с тех лет, которые не успели дожечь. А книг у нас было много...

Бабушка стала перелистывать страницы и вдруг наткнулась на старую, вложенную в книгу, выцветшую бумагу, на которой было что-то написано чернилами, но кое-где надпись уже исчезла или размазалась. Прочитать, что на ней написано, мог лишь тот человек, кто уже заранее знает, о чём там идёт речь.

— Письмо, письмо Мишки! Господи! Неужели?! — удивлённо крикнула бабушка. — Никогда бы даже не представила, что когда-то оно найдётся. Забыли, куда его спрятали, найти никак не могли. Мишка, родной наш!

Надев очки, бабушка стала медленно читать его, еле разбирая послание и спотыкаясь на каждом слове:

«Письмо дорогой мамочке от вашего сыночка Миши. Здравствуйте, дорогие мои: мама, Вася, Клаша, тётя Поля, Зоя, тётя Маня, Коля, Валя. Шлю я вам всем по чистосердечному привету

и желаю всего хорошего в жизни вашей. Ещё шлю по привету всей нашей родне.

Мама, я посылал вам несколько писем, но не знаю, получили вы их или нет. Я, когда был в части, то получил от вас письма три. Мама, сейчас я расскажу о себе. 6 июля меня ранило в левую ногу осколком мины. В левой ноге отбило большой палец. Сейчас лежу в госпитале в Мордовской АССР, в городе Саранске. Чувствую покуда себя хорошо. Мама, если принимают посылки, то пришли гостинчика. Теперь, небось, у вас в деревне яблоки поспели. Пишите мне письма, буду ожидать с нетерпением.

Мой адрес: полевая почта № 24167.

Ваш сын Панченков Михаил Ив.

8 августа 1943».

— Придётся мне дорассказать эту историю, — немного помолчав после прочтения письма, сказала бабушка. — Мишка — родной брат мамы моей, — продолжала она. — Клаша рассказывала о нём очень много. Вспоминала о нём с радостью. «Всё детство душа в душу», — говорила она. Когда война началась, у него семья уже была: жена в Харькове и дочь. Много писем писал нам с фронта, его товарищи тоже слали нам письма, рассказывали о службе.

Прервавшись, бабушка пошла к шкафу, достала картонную папку из старой сумки.

— Здесь мы храним уже много лет его письма, — сказала бабушка и вынула одно из них.

Письмо было перемотано в бинты и марлю. Она хотела его прочесть, но, развернув, поняла: разглядеть, что там написано, невозможно.

— Это было его последнее письмо, последнее... перед встречей со своей сестрой Клашей. Мать рассказывала: «Мы за Мишку переживали очень, ждали... А когда-то из письма его товарища узнали, что он попал в плен к немцам в сорок пятом году. Больше ничего не знали, не слышали ни от друзей его новостей, ни от него самого. Война уж закончилась. Кто выжил — вернулись домой, а мы и надежды все потеряли... Не спится мне, поднимусь ночью, пока все спят, — и к застеклённому буфету, где у нас иконочки стояли и старая открытка со святым преподобным Серафимом Саровским, и начну тихо молиться, креститься: „Господь, сохрани, помоги брату кровному моему. Батюшка Серафим, не оставь брата моего, Михаила“. Никак я не могла подумать, чтобы с Мишкой нашим горе свершилось, уж силён он был и телом, и духом. Проснувшись однажды утром, собиралась на работу, посмотрела в окно и увидела мужика, лежавшего возле забора. Я подумала, что пьяница какой-то заснул, пошла уже прогонять его. Он был весь грязный, обросший бородой, лицо всё измазанное, а одет в грязные изорванные лохмотья. „Чего тебе?“ — грубо спросила я. „Сестрица,

вынеси попить“; — хриплым голосом, еле дыша, попросил мужина. „Я тебе не сестрица“, — отвечала я. Но тут вдруг проснулась у меня какая-то жалость и жадность одновременно. Понимала, что накормить его надо, молока дать. А дома своих вон детишек четверо голодных, сами в бедноте жили. Ну, куда деваться, помочь надо. Я вернулась домой, налила в банку свежего молока, вынесла ему. Он жадно выпил его. В дом не пустила, побоялась. На другой день он опять под забором лежит, не уходит. Вынесла тарелку супа и убежала. И третий день он здесь. Спросила у него: „Ты откуда?“ А он говорит: „Кланька, неужели ты меня не узнала?“ Я так и обмерла. Голос знакомый. Не пойму никак. Я сказала: „Нет, не узнала“, — и пошла в дом. Иду, а в голове одна мысль: „Что-то знакомое в нём есть. Откуда он знает, как меня зовут? Так меня только Мишка называл“. Тут я поняла, побежала к нему. У меня вдруг всё оборвалось внутри, я зарыдала. Я не верила в происходящее. Мне казалось, что всё это сон. „Мишка, ты, что ли??? Миша, что же случилось?“ Я кинулась обнимать его. „Клаша... родная, сестра моя... Присядь, поговори со мной, расскажи что-нибудь“, — тяжёлым, хриплым, прерывавшимся голосом попросил он. Он был обессиленный, худой, измученный. Ему даже не хватило последних сил дойти до порога родного дома, что он, измученный, завалился у забора. Я подхватила его, помогла встать, отвела домой. Двое суток он спал, не мог никак прийти в себя, разговаривал во сне, порой вскрикивал. На третий день уже полегчало. Стал потихонечку подниматься с постели, но всё хромал. Мы помогли ему хоть чуть-чуть пройти, сначала просто по дому, а со временем ходили и по улице. Нужно было дышать свежим воздухом. Когда-то спросил он у меня: „Клаш, а как там мои... жена моя Зойка и доченька Валенька? Живы?“ — тихо и робко проговорил он, боясь услышать ответ. „Живы, Миш. Я им отослала письмо. Сказала, что ты у нас, что всё хорошо. Сказала, чтобы в скором времени уже стояли у порога и встречали! Мишка, они ждут тебя!“ — „Я самый счастливый!“ — заулыбался он. — Теперь пора спать, — сквозь слёзы сказала бабушка, закончив свой рассказ. — Давай по конфетке!

Мы откусили с ней лакомства.

— Бабушка, в нашей семье свой герой! Свой защитник!

Она отнесла всё обратно в шкаф и выключила свет.

— Спокойной нам ночи... — сказала она.

Было трудно осознавать, что в тот момент я держала не просто случайно выбранную книгу, ведь случайностей не бывает, а целую историю, страшную историю, коснувшуюся моей семьи, всего народа, миллионы судеб и жизней.